

2019

ДЕКАБРЬ, 30

#2

ARCHEOLOGIA
არქეოლოგია

АРХЕОЛОГИЯ

Институт Археологии Имени Академика
Андриа Апакидзе

ГЕММА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА ЖИНВАЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

Кетеван Рамишвили

Доктор археологии; научный сотрудник Национального музея Грузии

АБСТРАКТ

Данная статья посвящена изучению сердолдиковой геммы-инталио, включенной в бронзовое кольцо, обнаруженное в 1983 г. в могиле №552 могильника в Жинвали. На гемме вертикально изображен всадник в головном уборе верхом на коне с поднятыми лапами. Обе фигуры изображены в профиль.

Согласно исследованию, у геммы из Жинвали есть аналоги в двух группах гемм-инталио, обнаруженных в Грузии: I группа (Урбниси, I-II вв. н.э.) включает в себя геммы с изображением всадника без атрибутов божества; II группа (Урбниси, Самтавро, Карснисхеви, Кутаиси, III-IV вв. н.э.) представлена композицией, оформленной фригийской шапкой с лучами, алтарем и деревом жизни. Интересно, что в гемме из Жинвали соединены элементы, характерные для обеих групп и, наряду с этим, представлен отличающийся иконографический вариант всадника.

Стоит отметить, что изображения, подобные композициям II группы, подтверждаются на реверсе медных городских монет из Трапезунта II-III вв., обнаруженных в Бичвинте. Согласно мнению исследователей, изображенный на них всадник – синкретическое божество с атрибутами солярного бога Митры и каппадокийского лунного божества Мена.

Изображения всадника и коня также встречаются на отливках из синего стекла, изготовляемых в Иберии с II-I вв. до н.э. до II в. н.э., и рассматриваемых, как независимая группа (т.н. группа Берна) «греко-персидской» глиптики.

Согласно проведенным исследованиям, всадник на жинвальской гемме – синкретическое божество, а конкретнее – Митра, и объединяет в себе сильные местные традиции и новые культурные тенденции, появившиеся под воздействием распространением митраизма. Гемма датируется второй половиной II в. н.э. и считается изделием местного производства, а кольцо датируется IV в., что указывает на повторное использование геммы уже в христи-

анском контексте. В статье подчеркивается длительная эволюция изображения всадника, которая, позже, станет основой для иконографии св. Георгия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЖИНВАЛИ, ГЛИПТИКА, ГЕММА-ИНТАЛИО, МИТРА, ВСАДНИК.

В 1983 году Жинвальской археологической экспедицией (Руков. д.и.н. Р. Рамишвили), в парном (мужчина-женщина) грунтовом погребений №552, наряду с другими предметами (перстень, серги, фибулы, бусы) был обнаружен бронзовый перстень с геммой-инталией сердолика красноватого цвета. Перстень, на безымянном пальце, был найден у мужчины, похороненного в соответствии с христианским погребальным обрядом – на спине, руки скрещены на груди. Погребение датировано IV в. н.э. [Чихладзе В. 2015:109, 156, Таб. X]. Предмет исследовала М. Лордкипанидзе, по мнению которой, перстень и гемма принадлежат к одному периоду и датируются IV в. [Лордкипанидзе М. 1990:188]. В настоящее время данный перстень хранится в фонде глиптики музея Грузии им. С. Джанашия, Национального музея Грузии (Инв. №1854).

Перстень, в сечении круглой шинкой, концами припаяны к овальной жуковине (таб. I-1). Кромки гнезда отломаны, сохранилось лишь гладкое основание (таб. I-2). Инталио овальное, лицевая сторона слегка выпуклая, тыльная чуть сильнее (таб. I-4). На лицевой стороне вырезано изображение всадника (таб. I-1). Изображения коня и всадника даны в профиль. Всадник, в накидке, развевающимися лучистыми концами в воздухе, правой рукой держит уздечку. В области головы всадника гемма повреждена, хотя видно, что убор, помимо головы, покрывает лицо. Черты лица, из-за повреждения инталия, не видны. Изображение коня грациозное и пропорциональное. Торс (грудь, живот, круп и голова), объёмистыми пластичными формами, передан достаточно реалистично, хотя по сравнению с торсом, относительно тонкие задние ноги исполнены сравнительно в низком рельефе и более-менее схематичны. Чётко переданы чуб животного и низкая, параллельными, рельефными лучами украшенная грива. У лошади высокая шея и длинные ноги. Суставы ног резко профилированы. Чётко прорисованы приподнятая левая нога и длинный, завязанный в узел верхняя, округлённая и удлинённая часть хвоста коня, который украшен рельефными лучами. Хвост тусклой линией опускается к земле. Вследствие повреждений инталия, не просматривается правая нога коня и нога всадника. Верхняя часть изображения (всадник, торс, приподнятая нога, и верхняя часть хвоста коня) реалистично и рельефно моделирована, а нижняя часть, (задние ноги коня и нижняя часть хвоста), относительно схематичная и тусклая. Гемма выломана и в области крупа коня. Резьба не глубокая, но на оттиске изображение отчётливо просматривается (таб. I-3). Размеры: длина инталия – 15 мм., ширина-10 мм., дм. перстня-21 мм., дуги-5 мм.

Одна группа (I) гемм-инталий со схожими изображениями всадника, известна из погребении №№189, 165, 129, 164 Урбниского могильника. Упомянутые геммы хранятся в фонде глиптики музея Грузии им. С. Джанашия, Национального музея Грузии (Инв. №№1040, 1010, 1074, 1009; таб. I,5,6; 7,8; 9,10; 11.12). Экземпляры изготовлены из стекла и на плоской поверхности каждой из них изображён всадник с головным убором типа башлыка и с развевающейся за спиной накидкой. Изображение всадника на коне с приподнятой но-

гой, выполнено в левый профиль. Изображения всадников, типологией, композиционно и по стилю исполнения однородные – изображения всех четырёх всадников переданы в профиль, без божественных атрибутов и на очень малой поверхности; насколько это возможно, рисунок выполнен максимально реалистично, к тому же, умеренно смешаны стилизованные элементы (напр., ноги коня, хвост и т. д.). Изображения всадников отличаются друг от друга малейшими деталями (сохранились фрагменты железного перстня №№1009 и 1010 и бронзовая печать, №1074). Геммы датированы I-II вв. н. э. [Джавахишвили К. 1975:75-78, 107-111].

Известна другая, чуть поздняя, иконографически близко стоящая с вышерассмотренными, группа (II) овальных гемм-инталье, на которых изображён конь с приподнятой ногой и сидящий на нём всадник в короткой накидке, конец которой развевается в воздухе. Изображение как всадника, так и коня, даны в профиль. Хотя, композиция по отношению к гемме раскрывается горизонтально, она гораздо сложнее и заметно отличается. Перед всадником, в фригийской шапке, сидящем на коне с приподнятой ногой, стоит Жертвенник с огнём, сзади – древо жизни у основания обвитый змеей. Отличается материал – геммы сердоликовые; изображения вырезаны не на плоской, а на слегка выпуклой поверхности. Таких гемм известно шесть, из них 4 в Грузии: первая, обнаруженная в погребений №1 Урбниского могильника (хранится в фонде глиптики Государственного музея Грузии под инв. №1107) [Чилашвили Л. 1964:61, 82, 83, таб. XXVI-2; Джавахишвили К. 1972:82, №135]. Датируется III веком н.э. [Лорткипанидзе М. 1969:145; Джавахишвили К. 1972:77-78]; вторая – с серебряного перстня из каменной гробницы №600, Самтаврского могильника (хранится в фонде глиптики Государственного музея Грузии под инв. №587) [Лорткипанидзе М. 1969:145]; Третья – с железного перстня из погребения №27 Карснисхевского могильника (таб. II-3). Датирована концом II – началом III в. н.э. [Николаишвили В. 1993:72, 86, таб. XCV-5]; четвёртая – случайная находка близ Кутаиси (таб. II-4, оттиск) [Кибальчич Т.В. 1910:49, таб. VII-267]. Датирована началом III в. н.э. [Лорткипанидзе М. 1969:144, таб. X-136]; Шестая – неизвестного происхождения (таб. II-5), принадлежала коллекционеру Розену, который основную часть своей коллекций приобрёл в Константинополе. Исходя из этого, возможно, что и эту гемму купил там же. Инталье хранится в Берлинском музее [Furtwangler A. 1896:9, 132; таб. 25 – №2935]; шестая гемма хранится в Бонском музее античного искусства, куда он поступил из частной коллекции Мюллера и датируется концом II – началом III в. н.э. [Zweirlein-Diehl. 2003:88-89, таб. 82]. В отличие от других экземпляров, на геммах из Карснисхеви, Берлинского и Бонского музеев, пространство над головой всадника дополнительно заполнено изображением звезды и полумесяца. Изображения II группы, выполнены схожей манерой резьбы и стиля, аналогично обработаны детали. Исходя из этого, они считаются продукцией одной мастерской. На основе изложенных доводов, Л. Чилашвили, местом происхождения геммы из Берлинского музея тоже считает территорию Грузии [Чилашвили Л. 1964:82]. Примечательно, что подобные геммы, помимо Грузии нигде не обнаружены. Это даёт дополнительный аргумент в пользу соображения, что геммы Берлинского и Бонского музеев, может быть изготовлены в Грузии.

Что касается Жинвальской геммы, на ней, подобно всем (четырёх) геммам I группы, композиция изображена продольно по отношению камня. Однако, инталье, подобно геммам II группы, изготовлено из сердолика. Композиция вырезана на слегка выпуклой

плоскости. Длинным, утолщённым в верхней части хвостом, также, диспропорционально удлинёнными ногами и трёх лучистой накидкой, всадник из Жинвали, более близок к изображениям второй группы. На Жинвальской гемме, изображение полностью заполняет плоскость и соответственно, наличие здесь древа жизни исключается. Инталио, ниже ноги коня выломано. Можно предположить, что здесь было изображение жертвенника. Но с учётом ограниченности места, это исключается. Помимо сказанного, исходя из того, что на всех геммах II группы, жертвенник расположен на одном уровне, либо выше ноги коня, композиция на жинвальской гемме представлена без жертвенника. Следовательно, Жинвальский всадник представлен без божественных атрибутов и композиционно близок к более архаичным геммам – Урбниским всадникам I группы. Из-за частичного повреждения камня, определить тип головного убора не представляется возможным. Но исходя из сохранившейся части головного убора, который частично закрывает лицо всадника, рассматриваемая гемма близко стоит к инталио из Урбниси (II группа), с изображением всадника, стоявшим между древом жизни и жертвенником (ср. таб. I-2 и таб. II-1). Думаем, вполне возможно, что Жинвальский всадник носил фригийскую шапку, но не лучезарную; в противном случае, обязательно были бы видны со стороны выходящий луч, который подтверждается на всех изображениях II группы. Таким образом, всадник на Жинвальской гемме проявляет схожесть с изображениями обеих групп. Выходит, что на ней изображён ещё один, отличный иконографический вариант, хотя надо отметить, что он гораздо ближе стоит к изображениям I группы. Таким образом, отлитые в форме стеклянные инталио, геммы, вертикально изображёнными всадниками без божественных атрибутов (кроме Урбниским), засвидетельствованы на сердоликовой гемме, обнаруженной в другом пункте Картлийского царства – Жинвали. Что касается гемм II группы, изображением всадника в лучезарной фригийской шапке, между древом жизни и жертвенником со священным огнём, ареал их распространения гораздо расширяется и охватывает как Восточную Грузию – Картли (Мцхета, Карснисхеви, Урбниси), так и Западную Грузию (Кутаиси).

Примечательно, что изображения, подобными композициями объединённых во II группе, подтверждается на оборотной стороне трапезундских городских медных монет II-III вв. н.э., обнаруженных в Пицунде (таб. II-8). Вокруг происхождения, место чеканки, датировки и идентификации всадника – божества трапезундских монет, высказано много соображений. По мнению Ф. Кюмона, изображённый на трапезундских монетах всадник, является синкретическим божеством, объединяющий солнечное божество Митру и Кападокийского божества луны Мена [Максимова М.И. 1956:404, прим. 3]. А по мнению М. Максимовой, изображённый на этих монетах всадник, это Митра, так как, изображённый на трапезундских монетах всадник, имеет только атрибуты Митры и не имеет такой необходимой знак Трапезундского божества Мена, как серповидная луна [Максимова М. И. 1956: 399, 404, прим. 3]; С её точки зрения, главное божество города Трапезунда Митра, не греческого происхождения и оно не распространено в других греческих городах Малой Азии [Максимова М.И. 1956:399-402, 404, таб. II-15]; и его победа в божественном пантеоне, была обусловлена другой этнической основой: ядро жителей города Трапезунд, как полагают, составляло колхидское население [Максимова М. И. 1956: 402; Меликишвили Г. 1959:378; Дундуа Г. 1968:16,19]. Упомянутые монеты основательно изучил Г. Дундуа, который

также коснулся гемм обеих групп, с изображением всадника (за исключением Жинвальских) и сделал ряд значительных заключений [Дундуа Г. 1975; 1978; 2006]. Г. Дундуа разделил мнение Ф. Кюмона, о синкретности божества, который объединил функций Митры и Кападокийского божества луны Мен, так как, Митра крайне редко изображался верхом на коне, а изображение всадника Мена, широко было распространено. Г. Дундуа считает, что изображения звезды и серповидной луны на геммах Берлинского музея и Карснисхеви, на трапезундских монетах замещён другим атрибутом луны – хищной птицей [Дундуа Г. 1978:29-30]. Исследователь отмечает, что у трапезундских городских медных монет с изображением главного божества Трапезунда Митры, не отыскиваются параллели в нумизматике других городов и царств. Также, всадник Митра вырезан только на синхронных геммах, обнаруженных в Грузии. По мнению исследователя, «изображения на реверсе трапезунтских монет т. н. Митра всадник, на самом деле унифицированное олицетворение астральных божеств (луна, солнце, звёзды) и непосредственный предшественник культа Св. Георгия в картвелском мире» [Дундуа Г. 1977:343-344]. На основе вышеотмеченного, исследователь, происхождение этого божества на грузинской почве и трапезунтских монет, увязывает с кругом грузинских нумизматических памятников. Г. Дундуа связывает монеты и соответственно, изображения на обеих группах гемм с древнейшими грузинскими верованиями [Дундуа Г. 1975:334-338; 2006:106-108]. Он не исключает возможности местного происхождения гемм [Дундуа Г. 2006:107]. Для правильной датировки Жинвальской геммы, интересно, что на трапезундских монетах «сначала был изображён бюст т. н. Митры в лучистой фригийской шапке, а в дальнейшем, только с конца II в., к нему присоединяется протома коня. Митра изображается сидящим на коне, у которого над жертвенником занесена правая передняя нога» [Дундуа Г. 1975:419; 2006:105].

Изображения всадника, в глиптическом материале Грузии, подтверждены в эллинистическую эпоху; в частности, всадник изображён на круглой щинке золотого перстня (таб. IV-3) из погребений №9, т. н. «знатного война», раскопанного в Вани. Перстень представляет инсигнию и несмотря на общее влияние традиций античной Греции, считается местной продукцией [Лордкипанидзе М. 1975:93-96], а сюжет связан с распространёнными в Колхиде культами [Лордкипанидзе М. 1975:111]. Ванский всадник, с конусовидной шапкой (может быть – шлем), сидит на рогатой лошади. Изображения как всадника, так и лошади, переданы в профиль. Всадник в правой руке держит копьё, а левая рука в виде птичьих когтей, должна указывать на тесную связь коня и всадника с птицей. Отмеченный факт, по нашему мнению, хорошо объясняет обнаруженные в Восточной Грузии, в частности, в Канчаети и датированные IV-III вв. до н. э., схожие изображения на круглой щинке двух серебряных перстней-печатей. На одной изображён всадник копьеносец на рогатом коне (таб. IV-4), возможно, с башлыковидным головным убором. На другой, всадник заменён сидящей на спине коня птицей (таб. IV-5). На обеих шинках нанесены символические изображения солнца. Перстни, в отличие от Ванских, причислены к одной из групп греко-персидской глиптики, в частности, изготовленных в стиле образцов греко-восточных. Перстни, в отличие от Ванских, признаны местной продукцией, которые изготовлены в стиле образцов греко-восточной глиптики, принадлежавшие к одной из групп греко-персидской глиптики [Гагошидзе Ю. 2009:14-17, таб. I-II]. В лице фантастического рогатого коня, представлено солнечное божество, которого часто сопровождает

птица. «Если в Грузии конь считался животным солнца, то птица должна принадлежать луне» [Гагошидзе Ю. 2009:36-37]. Исходя из этого, думаем, что на золотом перстне из погребений №9 Вани, изображён всадник-божество, который является прототипом всадника Канчаевского перстня-печати и который был тесно связан с культом солнца и луны. Подобными изображениями (рогатыми, с приподнятой ногой конями, всадником, древой жизни, месяцем и светилами) украшены также шинки перстней-печаток с несомкнутыми концами из Квиана, Садзегури, Алгети, Кушчи [Лордкипанидзе М. 1969:43], Тахтидзир [Гагошидзе Ю. 2009, таб. I], Батнаирхору [Лордкипанидзе М. 1975:76-79, таб. VII-19] и т. д. Несмотря на то, что перстни обнаруженные в Вани, а чуть позднее, в других пунктах Восточной и Западной Грузии, принадлежат различным школам камнерезного искусства, их объединяет существование общего культа коня и Митры [Рамишвили К. 2007:24-25]; Их корни надо искать в колхидской и в целом, культуре Кавказа, которые так хорошо и широко отражены на изготовленных в кавказском графическом стиле в колхидских памятниках художественной бронзы и в декоре центрально – южнокавказских бронзовых поясов VIII-VII вв. до н.э. На них изображения коня и всадника, даётся в сопровождении птиц и в окружении небесных светил [Панцхава Л.1988; Хидашели М. 1982].

Изображения всадника и коня встречаются также на стеклянных многогранниках (таб. IV-6), которые с II-I вв. до н.э. до II в. н.э. изготавливались в Иберии. Они рассматриваются как поздняя, независимая группа памятников «греко-персидской» глиптики и очень близко стоят к одной из групп Малоазиатских печатей, известной т. н. Бернской группы [Джавахишвили К. 2002:74-76, таб. I-2-14; Гагошидзе Ю. 2009:16]. Внимание заслуживает то, что стилизованные изображения всадника копыеносца даны на бронзовых, довольно крупных печатях, которые представляют прямоугольные либо треугольные толстые пластинки, с закруглёнными краями и припаянной на спинке массивной ручкой. Всадник с головным убором, в правой руке держит копьё, левая рука покоится на шее коня; перед ним, держа коня за узду, стоит пеший (село Самтависи, случайная находка). Конь со вздыбленной гривой и приподнятой правой ногой изображён на треугольном перстне (с. Цагвли, случайная находка). Перед конём, между ног изображено светило. Датированные III-I вв. до н.э. перстни считаются местной продукцией [Джавахишвили К. 1997:221-229, таб. I-5; таб. II-8]. Один такой треугольный перстень случайно был найден в селе Эртацминда (Каспский муниципалитет). На лицевой стороне схематично изображён всадник с копьём (таб. IV-7), (фонд глиптики Национального музея Грузии; № 1704); Интерес представляет бронзовая перстень-печатка с рукоятью и изображением коня и полумесяца из Ацкури [Личели В. 2011; таб. I]. обнаруженное в Мцхета изготовленная из кости прямоугольная печатка с изображением всадника, формой и по стилю исполнения изображения, схож с вышеописанной печаткой и также является местным изделием [Джавахишвили К. 1997:228, таб. I-5; таб. I-5-A]. Вызывает интерес, обнаруженная пирамидальная печатка из кости, на нижней прямоугольной грани которой изображён конь с лучистой гривой и поднятой ногой (таб. IV-8). Местного изготовления предмет датируется I в. до н. э.-I н. э. [Лордкипанидзе М. 1975:112; Гагошидзе Ю. 2009:16].

В изобразительном искусстве, в том числе в глиптике, с первых веков нового летоисчисления, отмечается определённая новизна, которая выразилась возрождением новой силой культа коня и всадника; новизна, которую помимо местных традиции, питали и

новые внешние факторы. Подразумевается широкое распространение культа Митры на Ближнем Востоке и бассейна Средиземноморья, в том числе и на Южном Кавказе. Думаем, что увеличение изображений коня и всадника, нужно объяснить именно этим явлением, так как, в митраистической религии изображение коня и всадника высочайшую степень достигает именно в первых веках н. э. [Рамишвили К. 2010:193-194].

Всадник, в лучистой фригийской шапке (так же как Жинвальский всадник) сидящий на коне с приподнятой ногой (без древо жизни и жертвенника), изображён на золотой бляхе (№7). Прямоугольная пластинчатая бляха украшена зернью, верхняя часть которой завершается парным треугольником, а на нижней части подвешены плоские и круглые пластинчатые подвески. Центральная часть бляхи украшена изображением всадника, обрамлённом зернью (таб. IV-10). На бедро лошади зернью нанесена розетка [Лордкипанидзе О. 1980:13-20; Кахидзе А. 2015:75-102]. Бляхи с похожим украшением обнаружены на Клдеевском могильнике II в. н. э. [Ломтатидзе Г. 1957:103 – 104], в Армазсхеви [Апакидзе А. 1955:22, таб. I – XXXIII], в богатом погребений из Лоо, близ г. Сочи [Иванова М. И., Голубев П. М. 1961:284-292, рис. 7-2, 8-2]. Общими типологическими, художественно-стилистическими и символическими знаками, несмотря на различие некоторых деталей, совершенно ясно, что они однородные и принадлежат к тому ряду украшений, которые широко были распространены в первых веках новой эры. Очень важно количество бляшек данного типа на Клдеевском могильнике, принадлежавший середине или концу II в. н.э. [Ломтатидзе Г. 1957:169 – 174]. Украшения рассмотренных здесь бляшек, в том числе, бляхи №7 с изображением всадника, как художественно-стилистически, так и символикой изображений, генетически тесно связаны с традициями златокузнечества древней Колхиды [Лордкипанидзе О. 1980:22]. Имеем в виду изображения всадника в ювильерном деле Колхиды в раннеантичную эпоху. Например, обнаруженные в погребений №6 (Ванское городище) серьги с фигурными подвесками, с изображением стоящими на колеснице всадников (таб. IV-11) [Чкония А. 1977:96-99], который связывается с широко распространенным в древнем мире мифологическим представлением о «Великой Матери» и её всадников. На крупе лошади бляшки №7 Гонийского клада, изображена розетка – символ солнца, а на крупе лошадей вышеупомянутых серёг из Вани – свастика, которая также считается символом солнца [Лордкипанидзе О. 1980:23, прим. 54-56]. Всадник в фригийском головном уборе, не чужд для ещё более ранней художественной обработке бронзы Колхиды. Имеем в виду, скульптуру всадника (таб. III-4), из Цагерского клада (Лечхуми) VIII – VII вв. до н.э. [Сахарова Л. 1976:8, 36-38; таб. VII-1]. Также заслуживает внимания, найденный в с. Сулори бронзовый топор, обух которого украшен парной скульптурой всадников в шлемах, сходных фригийским головным уборам, считавшимся всадниками «Великой Матери» [Лордкипанидзе О. 2002:131, рис. 121]. Надо также отметить, скульптуры коней на обухе топора, обнаруженного в Гудауте, выполненных в характерном стиле Колхидско-Кобанского искусства. Топоры с скульптурами коней датированы VII вв. до н. э. [Панцхава Л. 1988:65].

О распространении в Грузии культа Митры, его слияния с местным культом солнца и коня, свидетельствует ещё одна группа археологических памятников II-III вв. н.э. – серебряные чаши, на дне с изображением коня перед алтарём. Похожая чаша, помимо Армазсхеви, Бори, и Згудери, была найдена в близ Жинвали, на могильнике Арагвиспири [Рамишвили Р. 1975:7-15]. Поднятая нога животного, древнейшая поза ритуального харак-

тера и знаменует почитание, уважение и в большинстве случаев в композициях связана с жертвенником либо деревом жизни, но часто эта поза изображается независимо. В этом случае, приподнятая нога обозначает покровительство, благословение [Мачабели К. 1976:86]. Жинвальский всадник (как и другие всадники) проявляют близость к одно-временным, местным памятникам. Подтверждением сказанного являются датированные первыми веками н. э. (I-III вв.) иберийские ажурные бляхи, со стилизованным изображением фантастических коней с поднятой ногой [Хидашели М. 1978, таб. XIII-158, 159, 160] и всадников (таб. VI-1) в профиле, вместе с птицами и солярными знаками. Бронзовые всадники, схожие с изображениями жинвальского и других всадников, особенно объединённых I группе (манера сидеть на коне, расположение всемогущих рук на шее и крупе коня) (таб. VI-2), обнаружены на Кдееетском могильнике I-II вв. н.э. [Ломтатидзе Г. 1957:73-76, рис. 12]. Относительно меньшая близость прослеживается с фигурами коней без всадников (таб. VI-4) с Арагвского ущелья (Могильники Недзахи и Бадриани). У этих вещей, функций застёжек – фибул и датируются III-IV вв. н. э. [Рамишвили К. 2007, таб. XXII-2, 4; XVII, XVIII].

Таким образом, с учётом вышеотмеченных фактов думаем, что всадник из Жинвали является синкретическим божеством – т. н. Митрой, который с одной стороны, связан с сильными местными традициями, с другой, с новыми культурными тенденциями; Тенденциями, которые с распространением митрайзма, на основе малоазиатского, римского, трапезундско-кападокийского или иранского культурно-религиозного опыта, с первых веков новой эры утвердились во всём тогдашнем мире, в том числе в Грузии. Происходил неизбежный синтез, который для Грузии, находившийся на стыке западного и восточного миров, не был чужд не на одном этапе её существования.

Учитывая возраст геммы, первой (I-II в. н.э.) и второй (III-IV в. н.э.) групп, а также трапезундских монет (II-II в. н.э.) и схожих синхронных артефактов (II в. н.э.), думаем, что Жинвальскую гемму можно датировать 2-й пол. II в. н. э. и наряду с остальными резными камнями, изображением всадника, думаем признать продуктом местного производства. Что касается перстня, исходя из формы, с большей вероятностью, он принадлежит к IV в. н.э. [Henkel F. 1913:274, 276, 281]. Как видно, дело имеем вторичным использованием геммы, которое не так уж редок в Глиптике. В пользу нашего мнения говорит и тот факт, что гемма была посажена лицевой стороной (изображением) вниз (Таб. I-1). Сразу после обнаружения, жуковина перстня рассыпалась и сразу выяснилось, что изображение всадника оставалось невидимым. Как видно, для христианина изображение Митры-всадника был неприемлемым. Можно было предположить, что долгая история всадника здесь закончилась, но как известно, подобные изображения легли в основу (-послужили началом) хорошо знакомой для Ближнего Востока иконографий святого всадника, которая позже появляется в лице изображения Святого Георгия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гагошидзе Ю. Раннеантичные памятники Ксанского ущелья. Тбилиси 1964.
2. Гагошидзе Ю. Грузия и «греческо-персидские» геммы, «Иберия-Колхети». Тбилиси 2009, сс. 14-19.
3. Дундуа Г. О чём рассказывают старинные монеты. Тбилиси 1968.
4. Дундуа Г. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н.э. – IV в. н.э. Великий Питиунт, I. «Мецниереба», Тбилиси 1975 (на грузинском языке).
5. Дундуа Г. Ещё раз об иконографии трапезундских монет. Великий Питиунт, II. «Мецниереба», Тбилиси 1977 (на грузинском языке).
6. Дундуа Г., Дундуа Ф. Грузинская нумизматика, Часть I. Тбилиси 2006 (на грузинском языке).
7. Кахидзе А., Шаликадзе Т., Партенадзе Т. Сокровищница археологического музея Батуми. 2015 (на грузинском языке).
8. Ломтатидзе Г. Клдеевский могильник. Тбилиси 1957 (на грузинском языке).
9. Лордкипанидзе М. Геммы Государственного Музея Грузии, I. Каталог гемм Самтаврского могильника. Тбилиси 1955. Параллельными грузинско-русскими текстами.
10. Лордкипанидзе М. Геммы Государственного Музея Грузии, III. Каталог гемм найденных на территории древней Грузии. Тбилиси 1961. Параллельными грузинско-русскими текстами.
11. Лордкипанидзе М. Корпус глиптических памятников древней Грузии, I. Тбилиси 1969. Параллельными грузинско-русскими текстами.
12. Лордкипанидзе М. Колхидские перстни-печати V-III вв. до н.э. Тбилиси 1975 (на грузинском языке).
13. Лордкипанидзе М. Памятники глиптики поздеантичной эпохи из Жинвали. Рукопись хранится в кабинете глиптики музея Грузии им. С. Джанашия (на грузинском языке).
14. Лордкипанидзе О. К истокам древнегрузинской цивилизаций. Тбилиси 2002 (на грузинском языке).
15. Лордкипанидзе О., Микеладзе Т., Хахуташвили Д. Гонийский клад. Тбилиси 1980.
16. Николаишвили В. Поселение ремесленников-керамистов Карснисхеви. Тбилиси 1993 (на грузинском языке).
17. Рамишвили Р. Новые археологические открытия на новостройках Арагвского ущелья. «Дзеглис мегобари», №39. 1975.
18. Рамишвили К. Памятники малой пластики нагорья Восточной Грузии. Тбилиси 2007 (на грузинском языке).
19. Рамишвили К. Фибулы с изображением оленя, тура и лошади. Изыскания в археологии Грузии. №19. Под редакцией Г.Квирквелия. Тбилиси. 2010:190-204 (на грузинском языке).
20. Сахарова Л. Бронзовые клады из Лечхуми. Тбилиси 1976.
21. Панцхава Л. К истории художественной обработки колхидской бронзы. Тбилиси 1988 (на грузинском языке).
22. Чихладзе В. Жинвалский могильник дохристианской эпохи. Тбилиси 2015.
23. Чилашвили Л. Городище Урбниси. Тбилиси 1964 (на грузинском языке).
24. Чкония А. Золотые серьги раннеантичного времени из Ванского городища. Вани. III. Тбилиси 1977 (на грузинском языке).
25. Джавахишвили К. Памятники глиптики городища Урбниси. Тбилиси 1972.
26. Джавахишвили К. Памятники глиптики городища Урбниси. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Тбилиси 1975.

27. Джавахишвили К. Одна группа бронзовых печатей, ВГМГ XLII-B. «Мецниереба», Тбилиси 1997, сс. 221-234 (на грузинском языке).
28. Джавахишвили К. Многогранники синего стекла, «Дзиебани», №9. 2002, сс. 71-80.
29. Хидашели М. К художественной обработке бронзы в античной Грузии. Тбилиси 1982.
30. Хидашели М. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа. Тбилиси 1982.
31. Иванова М.И., Голубев П.М. Находки в Лоо, «Советская археология», №3. Москва 1961.
32. Кибальчич Т. В. Южно-русские геммы. Берлин 1910.
33. Максимова М.И. Античные Города Юго-Восточного Причерноморья. Москва-Ленинград 1956.
34. Мачабели К. Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси 1976.
35. Меликишвили Г. К истории древней Грузии. Тбилиси 1959.
36. Furtwangler A. Beschreibung der Geschnittenen Steine im antiquarium. Berlin 1896.
37. Henkel F. 1913: Die romischen Fingerringe der Rheinland. Berlin 1913.
38. Zwierlein-Diehl E. Siegel und Abdruck. Antike Gemmen in Bonn. Bonn 2003.

ТАБ. I

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Рис.4

Рис.5 Рис.6

Рис.7

Рис.8

Рис.9

Рис.10

Рис.11

Рис.12

ТАБ. II

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Рис.4

Рис.5

Рис.6

Рис.7

ТАБ. III

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Рис.4

Рис.5

Рис.6

Рис.7

Рис.8

Рис.9

ТАБ. IV

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Рис.4